

ОПЯТЬ ДЕЛЬФИНЫ

Прежде всего — все ранее написанное мною прошу считать полным бредом. Да ведь это и был бред, потому что я был болен. Нет-нет, товарищи, я на самом деле был болен, да клянусь вам честью! Ну, почему вы мне не верите? Уверю вас! Чистая правда! Вот вам крест! Ну чем вам поклясться? Хотите — здоровьем главврача. А что? Очень славная женщина! Спокойная, и что самое чрезвычайное — умная и, как это у нас принято говорить, домашняя. Нет, уютная... Нет-нет, опять!.. Ах вот! Нашел синоним — хозяйственная. Да, именно! Очень и очень хозяйственная. У нас в столовой, например, нет тараканов! Им вкололи аминазин, и они все спят как миленькие. А я не сплю — я работаю, мне еще не вкололи, потому что я здоров, <то> <есть> абсолютно, по-бычьему здоров.

М-да! К чему же я это? А-а-а-а! Итак, все прежде написанное мною — это плод больного моего воображения, а оно в свою очередь — плод больного моего рассудка, который так же является (нет — являлся) плодом моего же удивительного больного организма.

Начнем сначала. Все! И жизнь и творчество. Предупреждаю: то, что я напишу сейчас, — и в самом деле творчество, тогда как раньше было графоманство, и то, что я начну сейчас, будет настоящая жизнь, а раньше — что это была за жизнь? Раньше была «борьба с безумием». Хотя борьба и есть жизнь, как утверждает Горький (это ведь у него: «Если враг не сдается — его сажают»). Но борьба с безумием — не есть жизнь, дорогой Алексей Максимович. Борьба с безумием — это просто борьба с безумием! Так-то, дорогой основоположник! Так-то! Да-с!.. Только что ко мне подошел человек, говорит:

— Здравствуйте, батенька! Ну наконец-то! Слыхали! Дельфины-то опять что затеяли? А? Каково?

Положите, погодите, постойте! Да ведь это же он! Помните? Профессор-ихтиолог-лингвист, который спасал мир, да так и не спас? Господи, как я рад!.. Стоп! Он ведь тоже плод моего больного воображения! Ведь верно? Только не надо волноваться, не надо волноваться! Надо вот что — закрыть глаза, плюнуть перед собой три раза и

сказать: «Сгинь!» Теперь открыть...

А-а-а-а! Сидит, сидит с тремя плевками — на лице, на лысине и где-то на брюках. Сидит, тарашит глаза! Кажется, ползет драться! Еще не хватало — драться с плодом моего больного воображения, да еще с прошлым плодом!

Доктор! Доктор! У меня вернулись галлюцинации! Спасите, доктор, доктор!.. Никого нет! Как назло, ни души — ни нянчиной, ни хотя бы какого-нибудь алкоголика! Эй, кто-нибудь!..

EXCLUSIVE

Общая цит. -25
июль 1996. - с 71.

Почему вы мне не верите?

Неизвестный текст Владимира Высоцкого

Еще одна находка сделана с помощью Нины Максимовны Высоцкой. В ее личном архиве обнаружена рукопись ранее неизвестного нам прозаического текста Владимира Семеновича Высоцкого. Скорее всего, это послесловие к опубликованной еще в 1988 году повести «Жизнь без сна (Дельфины и психи)». Предположительно, оно написано не одновременно с повестью, но в том же 1968 году, о чем свидетельствует формат и сорт бумаги, на которой текст написан. Но одно определено: повествование в нем ведется в той же манере, от имени того же героя и в действии принимает участие тот же профессор, что и в «Дельфинах...». Внимательный читатель найдет и другие признаки, объединяющие два текста. Коротко пересказывать саму повесть — занятие неблагодарное, но ее начало в связи с разговором о родстве текстов процитировать необходимо: «Все ниже-исписанное мною не подлежит ничему и не принадлежит никому...».

Сложнее вопрос о том, как в дальнейшем необходимо публиковать этот текст: включив его в состав повести, в приложении к ней или же как отдельный рассказ? Ясно, что для этого необходимо подробнее изучить историю рукописи «Жизнь без сна». Ведь известно из различных воспоминаний, в том числе и самой Н.М. Высоцкой, что автор хотел опубликовать повесть на Западе. Почему этот лист оказался совсем в другом месте, чем основная рукопись? Владимир Семенович про него забыл? Потерял среди своих бумаг? Решил, что повесть в этом послесловии не нуждается, а может, только проигрывает? А может быть, вообще написал уже после попыток к опубликованию (что вовсе не исключено, но, на наш взгляд, маловероятно)?.. В общем, вопросов больше, чем ответов. Слово за исследователями, за близкими писателя — очевидцами. А пока...

Тьфу ты! Есть такое кино! Там так никто и не пришел, и ко мне не придут! Эй! Люди! Такого кино нет!.. Но ведь все равно никто не придет. Потому что здесь нет людей — здесь больные! Эй, больные!.. Больных повели прогуливаться! Все! Это конец. Помощи не будет ни от людей, ни от больных, ни от эй, ктонибудь! Только не оборачиваться... Не могу! Обернусь!

— Почему вы улыбаетесь, профессор?

— Да потому что Вы очень забавны! Вы, на-

пример, крикнули: «Начались галлюцинации!»! А почему, собственно, только — начались? Они у вас и не кончались! Вы ведь, батенька, в психиатрической клинике, а не...

(Ага, замешкался, скотина, трудно слова подбирать! Еще бы — шизофрения и склероз! Ха-ха! Посмотрим, однако, что он выдумает.)

...а не в Рио-де-Жанейро...

(Ну! Как банально! Фи! Прочитал одну книжку небось — и цитирует. Нет, он даже и эту книжку не читал — юмора нет.)

... или, скажем, не в ООН!

(Ого! Загнул! ООН! Что же это такое? Я ведь помню, что это что-то очень и очень. По-моему, это ОТДЕЛЕНИЕ ОХРАНЫ НЕВМЕНЯЕМЫХ! Нет! Вспомнил! Это же ОТДЕЛ ОТДЫХА НЕНОРМАЛЬНЫХ, а может, это просто ОТТ ОРИНОЛЯРИНГОЛО! Черт! Чушь какая-то! Ну что же! Примем бой.)

— А не кажется ли вам, что это не лечебница, а полигон, военный полигон в штате Невада? При чем секретный! И вас сюда не звали. Сейчас придет сержант! И сержант проверит, как вы здесь очутились. А? Кто вас подослал, кому это на руку! А? Вот видите — вы уже поблднели! А когда придет сержант — вы еще больше поблднеете. А?..

Кто это там еще зовет меня! Я занят! У меня дискуссия, переходящая в проверку документов!

— Так вот!..

Где же он? Исчез!.. Господи! Какое счастье, что кончились галлюцинации.

Правда, начались галлюцинации обоняния. Я чувствую, что пахнет гусем, а сегодня дают яблоки!

Предисловие, текстологическая подготовка и публикация А.Е. КРЫЛОВА